

А. А. Киселев

Белорусский государственный экономический университет, Минск

A. Kiselev

Belarusian state economic university, Minsk

УДК 94:351.745(476)

**СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ ЧИНОВНИКОВ
ГОРОДСКИХ ПОЛИЦЕЙСКИХ УПРАВЛЕНИЙ
БЕЛОРУССКИХ ГУБЕРНИЙ НА РУБЕЖЕ XIX–XX В.**

**THE SOCIAL COMPOSITION OF OFFICIALS
OF URBAN POLICE DEPARTMENTS
OF THE BELARUSIAN PROVINCES
AT THE TURN OF THE 19TH – 20TH CENTURIES**

Городская полиция по своему социальному происхождению имела всесословный характер. Государственная служба являлась основным источником существования для чинов полиции. Большинство чиновников были местными уроженцами. Православное вероисповедание имели 90 % всех должностных лиц городской полиции. Образовательный уровень полицейских офицеров был невысоким.

Ключевые слова: городское полицейское управление; общая полиция; белорусские губернии; социальный состав; чиновники

The city police was all-social class in its social origin. Public service was the main source of livelihood for police officials. The majority of officials were local natives. 90 % of all city police officials were of the Orthodox faith. The educational level of police officers was not high.

Keywords: city police department; general police; Belarusian provinces; social composition; officials

В научной литературе, посвященной истории полицейских учреждений Российской империи, комплексная характеристика социального состава чиновников городских полицейских управлений в конце XIX – начале XX в. дается лишь в отдельных работах [1, с. 196–232; 2]. В большинстве диссертационных исследований характеризуются полицеймейстеры [3; 4], но остальные категории чиновников оказываются вне поля зрения исследователей; при анализе акцентируют внимание на отдельных свойствах служащих городской полиции или чины уездной и городской полиции объединяются в одну группу [5]. В отечественной историографии анализировался лишь социальный состав уездной полиции белорусских губерний начала XX в. [6; 7, с. 91–92]. Это не только обуславливает необходимость восполнить имеющийся историографический «пробел» в описании состава чиновников городских полицейских управлений в белорусских губерниях, но и открывает возможность для сопоставления полученных результатов с данными о составе городской полиции в других регионах Российской империи.

Основным источником для изучения социального состава классных чиновников городских полицейских управлений являются формулярные списки. В частности, в настоящем исследовании использовались формуляры чиновников Виленского городского полицейского управления (1900 г.) [8], городских полицейских управлений Витебской (1896 г.) [9], Минской (1898 г.) [10] и Гродненской губерний (1902 г.) [11]. Всего выявлено 143 формулярных списка из 162, или 88,3 % всех штатных чиновников. Кроме того, для анализа уровня образования, наличия чинов, служебного стажа и времени пребывания на последней должности использовались данные «Памятной книжки Могилевской губернии на 1900 г.» [12]. Это позволило проанализировать сведения о 164 (89,6 % от штата) полицейских чиновниках белорусских губерний. К классным чиновникам городских полицейских управлений относятся полицеймейстеры, помощники полицеймейстеров, приставы и их помощники, секретари, столоначальники, регистраторы, письмоводители частных приставов, полицейские и околоточные надзиратели. Должности трех столоначальников, регистратора и семи письмоводителей приставов в данные годы существовали только в штате крупнейшего в крае Виленского городского полицейского управления (далее – ГПУ), а два полицейских надзирателя были предусмотрены в составе чиновников Минского ГПУ.

Если характеризовать сословное происхождение полицейских чиновников в целом, то самой многочисленной сословной группой окажутся крестьяне (41 чел. – 28,7 %), на втором месте находились потомственные дворяне (33 чел., или 23 %), а на третьем – мещане (22 чел. – 15,4 % всех чинов). Приняв во внимание, что еще в трех случаях в формулярном списке указывалось происхождение «из податных сословий», можно сказать, что 66 (46,2 %) чиновников представляли самые массовые сословные группы российского государства. Выходцы из непривилегированных сословий были представлены почти на всех должностях городских управлений, в том числе и среди начальников городских полиций. Так, двинский полицеймейстер К. А. Пфейффер указал, что происходит «из податного сословия», а в соответствующей графе формуляра белостокского полицеймейстера П. У. Метленко значилось «из крестьян Виленской губернии». В этой связи следует согласиться с выводом о том, что в начале XX в. «дворянство было лишено монополии на занятие начальственных должностей в полиции» [13, л. 398]. Однако наибольшее представительство крестьян и мещан – 34 чел. из 42, или 81 % – оказалось среди околоточных надзирателей, т. е. на самой низкой по классу должности. В свою очередь потомственные дворяне доминировали среди полицеймейстеров и составляли 66 % (6 чел.) всех должностных лиц данной категории. Половина из четырех помощников полицеймейстеров тоже оказались дворянами. На прочих должностях дворяне уже не находились в относительном большинстве: среди секретарей – 2 чел. (20 %), приставов – 6 чел. (24 %), помощников приставов – 12 чел. (28,6 %), околоточных надзирателей – 3 чел. (7 %).

Выходцы из церковнослужителей (священники, дети дьяконов и псаломщиков) в количестве 20 чел. образовали четвертую по численности словную группу среди полицейских чиновников: на их долю приходилось 14 %. Дети гражданских классных чиновников и офицеров русской армии составили 8,4 % (12 чел.), 6 чел. (4,2 %) были из обер-офицерских детей. Еще 5 чел. (3,5 %) происходили из потомственных и личных почетных граждан. Наконец, в формуляре одного чиновника значилось «сын смотрителя почты».

Подавляющее число полицейских чинов имели единственным законным источником существования денежное содержание, поскольку не владели какой-либо недвижимой собственностью. Таковых чиновников оказалось 134 чел. (93,7 %). Всего 5 чел. (3,5 %) являлись землевладельцами, причем 2 (40 %) из них не наследовали, но приобрели землю. Среди наследственных земельных собственников два чиновника – виленский пристав С. М. Байрашевский и пинский полицеймейстер С. А. Житников – относились к крупным владельцам, за которыми числилось 220 и 419 дес. земли соответственно. В одном случае размер частной собственности не указывался. 700 дес. земли в Лепельском уезде были приобретены двинским полицеймейстером, что превращало его в состоятельного землевладельца. Виленский полицеймейстер К. М. Назимов мог похвалиться всего лишь 18 дес. пахотной земли, купленной им в Херсонском уезде. Четыре (2,8 %) чиновника указали наличие купленных домов, причем в одном случае деревянный дом был куплен на имя супруги чиновника, которая дополнительно владела двумя домами на правах наследственной собственности.

Чиновники полиции не могли похвалиться высоким образовательным цензом. В частности, 42 (25,6 %) служащих, т. е. каждый четвертый полицейский, имели лишь домашнее образование. Начальные учебные заведения в объеме курса народного училища закончили 10 чел. (6,1 %), уездного – 39 чел. (23,8 %), духовного – 15 чел. (9,1 %), городского училища – 9 чел. (5,5 %). Специальное образование на основании начального получили 3 чиновника, окончив фельдшерские школы. Неполное среднее образование в объеме учительской семинарии получили 9 чел. (5,5 %). Витебский частный пристав И. В. Васютрович окончил Александровское техническое железнодорожное училище. Еще три (1,8 %) чиновника прошли курс обучения в уездном дворянском училище. В одном случае образовательный ценз полицейского чина характеризовался сданным экзаменом на права вольноопределяющегося 3-го разряда. Двинский полицеймейстер К. А. Пфейффер ограничился экзаменом на звание частного землемера при губернской чертежной. Еще один чиновник сдал экзамен на чин коллежского регистратора. Помощник пристава Виленского ГПУ М. А. Полторжицкий учился в Ярославской военной школе. Кроме того, секретарь Брестского ГПУ Н. О. Кучинский имел отметку о незавершенном образовании в объеме уездного училища, секретарь Бобруйского ГПУ Д. А. Удовня – о прерванном обучении в учительской семинарии.

Могилевский и белостокский полицеймейстеры окончили юнкерские училища, причем в случае начальника белостокской полиции П. У. Метленко до его поступления в юнкера имелось образование в объеме лишь уездного училища. В этом отношении образовательный ценз этих полицеймейстеров приблизительно соответствовал неполному среднему образованию.

Среднее образование в духовной семинарии получили 3 чел. (1,8 %), 1 чел. оказался выпускником реального училища, 1 чел. – прогимназии. Кроме того, помощник пристава Гродненского ГПУ Н. А. Говоров окончил прогимназию, после которой прошел обучение в военном училище. Брестский полицеймейстер К. Н. Пеленкин после обучения в гимназии получил военное образование в пехотном юнкерском училище. Белостокский околоточный надзиратель А. Э. Вутман воспитывался в кадетском корпусе. Полоцкий полицеймейстер А. Г. Иванов и пристав Белостокского ГПУ Н. И. Шереметов завершили свое образование, полученное в кадетском корпусе, поступив в военное училище. Получается, что среднее образование в гражданских светских, духовных и военно-учебных заведениях получили всего 10 чел., или 6,1 % всех полицейских должностных лиц. Кроме того, 13 (7,9 %) чиновников не сумели завершить свое обучение в среднем учебном заведении: 3 чел. – в реальном училище, 4 чел. – в духовной семинарии и 6 чел. – в гимназии. Показательно, что ни один из чиновников городской полиции белорусских губерний не имел высшего гражданского или военного образования.

В конфессиональном отношении подавляющее большинство полицейских чиновников исповедовали православие (149 – 90,8 %), 6 (3,7 %) оказались католиками, 5 (3,1 %) – лютеранами. Наконец, 4 (2,4 %) полицейских офицера были мусульманами. Характерно, что если представители евангелическо-лютеранского исповедания были представлены на должностях разного уровня, то католики занимали низшие полицейские должности (околоточных надзирателей и столоначальников).

Значительный интерес представляет вопрос о том, какую долю чинов городских полицейских управлений в белорусских губерниях составляли местные уроженцы, а сколько выходцы из других регионов империи. К сожалению, ответить на данный вопрос можно на основании лишь совокупности косвенных признаков (местоположение учебного заведения и недвижимой наследственной собственности, первое место службы, исповедание, сословное происхождение). Место рождения чиновника указывалось только в формулярных списках чиновников Гродненской губернии. Полученные сведения показывают, что 113 чел. (68,9 %) являлись местными уроженцами, причем лишь на должности полицеймейстера они оказались в меньшинстве. В частности, только 4 (36,3 %) начальника городских полицейских управлений происходили из числа жителей губерний Западного края. В 15 (9,1 %) случаях имеющиеся сведения не позволяли сделать определенные выводы о происхождении чиновника.

Представляют интерес сведения о службе в армии, поскольку опыт военной службы потенциально формировал иное отношение к полицейским обязанностям. В 19 (11,6 %) случаях установить факт прохождения службы не удалось. Относительное большинство служащих полиции имели исключительно гражданский опыт государственной службы. В частности, 98 чел. (59,8 %) либо не служили в армии, либо при призыве были сразу переведены в запас. В свою очередь пребывание в военной службе в качестве офицера или нижнего чина отмечалось для 47 (28,7 %) человек, причем большинство чиновников с армейским опытом оказалось среди полицеймейстеров (45,4 %) и околоточных надзирателей (66,7 %).

Интересной являлась ситуация с распределением выслуженных чинов, которые имелись в 67 (41 %) случаях, причем 3 чел. (1,8 %) сохранили военные чины: прапорщика (2 чел.) и капитана. Большинство чиновников (97 чел., или 59 %) еще не выслужили чинов. Каждый второй секретарь, почти каждый четвертый пристав (7 чел. – 24,1 %), около двух третьих всех помощников приставов (33 чел. – 61 %), почти все околоточные надзиратели (41 чел. – 97,6 %), все полицейские надзиратели, столоначальники и письмоводители не имели классных чинов. Такая ситуация с распределением чинов оказалась возможна в силу того, что в западных губерниях разрешалось назначать на должности вплоть до VIII класса включительно лиц без выслуженных чинов и допускать на службу тех, кто не имел на нее прав с присвоением первого чина «наравне с канцелярскими служителями третьего разряда» [14, с. 348]. Это позволяло претендентам без классных чинов занимать практически все должности в городских полицейских управлениях за исключением постов полицеймейстера и их помощников. Показательно, что на этих должностях на рубеже веков находились чиновники лишь с выслуженными ими классными чинами.

Самый высокий служебный ценз имели помощники полицеймейстера и начальники городских полицейских управлений, средний стаж которых равнялся 21,2 и 20,8 года соответственно. Достаточно длительный опыт государственной службы имели столоначальники Виленского ГПУ (15,3 года), приставы (14,1 года) и секретари (13,1 года). В следующую группу по проведенному на службе времени среди чиновников входили регистратор Виленского ГПУ (9 лет), помощники приставов (7,5 года), письмоводители частных приставов Виленского ГПУ (5,8 года), около 5 лет прослужили околоточные надзиратели и 4 года имели за плечами полицейские надзиратели Минского ГПУ. Следует отметить, что чиновники полиции, как правило, не «засиживались» на своих постах. В частности, служебными должностными оказались полицеймейстеры и столоначальники виленской полиции, которые в среднем занимали свою последнюю должность на протяжении 5,6 года. К этим полицейским офицерам приближался регистратор Виленского ГПУ, отслуживший на этом месте 5 лет. На протяжении 3,9 года осваивались со своими обязанностями секретари. Такие чиновники, как помощники полицеймейстера, приставы, их помощники, околоточные

надзиратели и письмоводители исполняли свои обязанности на последней должности в среднем от 2,6 до 2 лет. Меньше всего на своем посту находились околоточные надзиратели со средним стажем в 1,5 года.

Следует отметить, что личный состав полицейских чиновников не был возрастным, поскольку только 10 чел. (7 %) были старше 45 лет. На службе не оказалось ни одного чиновника в возрасте старше 60 лет. Наиболее распространенной возрастной группой являлись чиновники, которым было от 36 до 40 лет. Таких служащих оказалось 40 чел. (27,9 %). Второе место делили полицейские чины в возрасте от 26 до 30 лет и от 31 до 35 лет. В каждой возрастной группе находилось по 31 чел. (21,7 %). Средний возраст полицеймейстеров составил 44,1 года, помощников полицеймейстеров – 40 лет, приставов – 36,6 года, их помощников – 31,9 года, околоточных надзирателей – 36,8 года, полицейских надзирателей – 33 года, секретарей – 34,4 года, столоначальников – 35,6 года, письмоводителей – 36,6 года и регистратор Виленского ГПУ был в возрасте 27 лет.

Таким образом, в конце XIX – начале XX вв. состав городской полиции белорусских губерний по своему социальному происхождению имел всеобщий характер. Вместе с тем нельзя не отметить, что на должности полицеймейстеров сохранялось доминирование представителей дворянства. По всей видимости, подобная тенденция существовала и в иных регионах империи [4, л. 98]. Основным источником существования для полицейских являлась государственная служба, поскольку лишь 3,5 % владели земельной собственностью. В целом полицейские чиновники не отличались высоким образовательным цензом. Среди них не оказалось ни одного чина с высшим образованием. Полноценное среднее образование получили немногим более 6 % всех чиновников, а каждый четвертый вообще ограничился домашним воспитанием. Достаточно важным является факт того, что более двух третей всех чиновников управлений были уроженцами белорусских губерний, причем они имели представительство на всех уровнях полицейской иерархии. Подавляющее большинство служащих исповедовали православие. Католики составляли 3,7 % всех полицейских чиновников, но занимали преимущественно низшие по классу должности письмоводителей (XII кл.) и околоточных надзирателей (XIV кл.). Следует отметить, что кадровой особенностью стал относительно незначительный срок пребывания чиновника на последней должности. Некоторое исключение составляли полицеймейстеры, занимавшие свой пост в среднем более 5 лет. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что менее трети всех чиновников имели опыт военной службы. Интересно, что среди начальников полиций и помощников полицеймейстеров отставные офицеры русской армии не составляли большинства. По крайней мере, пример Пензенской губернии, в которой полицеймейстеры и их помощники до своего перехода на службу в Министерство внутренних дел поголовно служили в армии [4, л. 98], показывает, что такая кадровая ситуация не была повсеместной. На полицейской службе преимущественно

находились служащие в активном возрасте, поскольку 132 чел. (92,3 %) были моложе 46 лет.

Список использованных источников

1. *Гурьев, В. И.* Московская полиция 1881–1917 гг. / В. И. Гурьев – СПб.: Нестор-История, 2014. – 260 с.
2. *Рязанов, С. М.* Социальная характеристика полицейских чиновников Пермской губернии в годы Первой мировой войны [Электронный ресурс] / С. М. Рязанов // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история. – 2016. – № 6-7 (57). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-harakteristika-politseyskih-chinovnikov-permskoy-gubernii-v-gody-pervoy-mirovoy-voyny>. – Дата доступа: 15.02.2024.
3. *Чернова, И. В.* Томская городская полиция в конце XVIII – начале XX вв.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / И. В. Чернова. – Томск, 2005. – 181 л.
4. *Лазарева, О. В.* Провинциальная полиция в конце XVIII – начале XX в.: По материалам Пензенской губернии: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / О. В. Лазарева. – Саранск, 2000. – 251 л.
5. *Трушков, С. А.* Административно-полицейские органы Вятской губернии второй половины XIX – начала XX вв.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / С. А. Трушков. – Киров, 2001. – 225 л.
6. *Киселев, А. А.* Сословное происхождение и имущественное положение чиновников уездной полиции белорусских губерний на рубеже XIX–XX вв. / А. А. Киселев // Мадэрнізацыя і працэсы сацыяльных трансфармацый у Беларусі ў канцы XVIII – пачатку XXI стагоддзя: матэрыялы міжнар. навуц. канф., Мінск, 17 лістап. 2023 г. / Беларус. дзярж. ун-т; рэдкал.: А. Г. Каханюўскі (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: БДУ, 2023. – С. 96–101.
7. *Лудзіч, А. Р.* Сацыяльнае паходжанне павятовага чыноўніцтва беларускіх губерняў (другая палова XIX – пачатак XX ст.) / А. Р. Лудзіч // «Долгий XIX век» в истории Беларуси и Восточной Европы: исследования по Новой и Новейшей истории: сб. науч. тр. Вып. 7: в 2 ч. Ч. 1 / редкол.: И. А. Марзалюк (пред.) [и др.]. – Минск: РИВШ, 2023. – С. 86–94.
8. Литовский государственный исторический архив (ЛГИА). – Ф. 420. Оп. 2. Д. 231.
9. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 1416. Оп. 2. Д. 19084.
10. НИАБ. – Ф. 299. Оп. 7. Д. 403.
11. НИАБ в г. Гродно. – Ф. 2. Оп. 37. Д. 2356.
12. Памятная книжка Могилевской губернии на 1900 год / издание Могилевского губернского статистического комитета. – Могилев на Днепре: тип. губ. правл., 1900. – 211 с.
13. *Сичинский, Е. П.* Становление полиции на Южном Урале (последняя четверть XVIII – начало XX вв.): дис. ... д-ра. ист. наук: 07.00.02 / Е. П. Сичинский. – Челябинск, 2006. – 514 л.
14. Высочайше утвержденные Правила об особых преимуществах гражданской службы в отдаленных местностях, а также в губерниях Западных и Царства Польского // ПСЗРИ. – СПб.: Гос. тип., 1888. – 3-е собр. – Т. VI. – № 3817.

(Дата подачи: 27.02.2024 г.)